

Когда Сермин оказался заключенным в янтарную капсулу, он очнулся в пустоте темной пещеры. О том, что он в пещере, он понял по влажному полу, звуку капель, падающих со сталактитов и эхом разносившихся вокруг, и, что самое главное... Полному отсутствию света и тепла. Он дрожал в этой пещере, слишком слабый, чтобы даже пошевелиться. Вся его энергия ушла на предыдущую борьбу. Тело чувствовалось тяжелым камнем, а сердце билось медленно, словно черепаха, не желающая побеждать в гонке. Он лежал на животе, не чувствуя даже собственных конечностей. Ему хотелось лежать здесь вечно, бесконечно, без конца. И это ощущение вечности не покидало его. Каждый вдох казался долгим и утомительным, тягостным. Каждая секунда растягивалась в века. Лежа в этой холодной пустоте, он думал только об одном человеке. "Вот что ты чувствовал, когда тебя держали в одиночной камере максимальной безопасности?" Его слова отразились эхом в пещере: "Вот что ты чувствовал, когда тебя держали под бездной и ты не мог увидеть солнечный свет так долго?" Сермин недоумевал, кто это говорит. Голос был точно таким же, как у него, с той же тоской, с той же виной. Голос другого человека продолжал размышлять: "Когда они решили, что Селестус должен покрыть тебя, заключить тебя в клетку, и ты можешь звать меня только во сне... .. Вот насколько ты был одинок?" Сермин опустил глаза, думая о том, как же должно быть одиноко за решеткой. Эта мысль преследовала его каждый день, с тех пор как он дал против него показания. "Они рисовали тебя воплощением зла. Всего отвратительного, чудовищного, порочного. Хотя ты далек от этого." Сермин задыхался, вспоминая все те моменты, когда его жеге страдал просто из-за того, кто он есть. Как люди смотрели на него с презрением, издевались над ним, называли его пустым местом. "И хуже всего, что я не сказал ни слова. Я понимаю, почему мне пришлось молчать, но все равно это моя вина, потому что я прятался в тишине." "Я относился к тебе как к лучшему другу, но и к величайшему стыду." Это причиняло Сермину больше всего боли. Он был лицемером, злился на людей, которые оскорбляли и унижали его жеге... Но при этом ничего не делал, хотя был ему близок. Ему доверяли, от него ждали помощи. "И хуже всего, что я начал верить их лжи о тебе. Я не верил тебе. Не думаю, что когда-либо до конца верил, и это моя величайшая ошибка." "Ты бы никогда не погиб, если бы я полностью верил тебе, в твою врожденную доброту." Сермин задыхался от рыданий, его тяжёлое сердце стало ещё тяжелее, сдавливая грудь. "Ты умер из-за меня. И с тех пор я каждый день желал смерти. Умереть вместе с тобой." Он слышал, как другой человек в пещере оплакивал свои страдания, рыдая самым мучительным образом, хриплым голосом, крича и колотя кулаками по земле. Сермин чувствовал, что годами, бесконечными годами... Он делал только это. Только заточал себя в вину и страдание, не в силах принять, что его любимого, но недоверчивого друга больше нет. Сермин сглотнул, вспомнив день, когда он впервые встретил своего жеге. "Доброе утро, класс!" Бодрая воспитательница детского сада взяла за руку маленького мальчика и вела его из-за двери к центру класса. Мальчик нервничал, сжимая что-то в руке. Это были белые чётки, висевшие на шее, переливающиеся, как жемчуг. Узор бусин был Rosa alba - белые розы, символизирующие смерть. "Д-добрый день, всем. Меня зовут - "Он не успел договорить, как ученики начали перешёптываться, заглушив его слабый дрожащий голос. Казалось, он старше их на год, но был тихим и застенчивым, и замолчал, почувствовав, что вызывает переполох. "Почему у него такая грязная кожа?" "У него глаза и губы большие! Страшно!" "Он похож на теневого призрака, который по словам моей бабушки, может всех нас съесть." "Нет, он похож на демона." "Дети!" Воспитательница одёрнула их. "Будьте вежливы с вашим новым жеге! Он старше вас всех и очень умный, так что не стоит так с ним обращаться. Хорошо?" Дети замолкли и ответили: "Да, воспитательница". Она повернулась к мальчику: "Ты в порядке? Они все милые и скоро с тобой подружится, обещаю," "Я в порядке." Мальчик вынужденно улыбнулся. Он всегда был таким, его жеге. Никогда не говорил о настоящих чувствах. Даже когда Сермин видел, что он хочет плакать, он никогда этого не делал. Ни в их христианском детском саду, ни в средней школе, ни в старшей, даже когда учился в университете. Он повернулся ко всем: "Я-я знаю, что я выгляжу не так, как вы. М-моя мама из Америки, она преподаёт английскую литературу. Мой папа отсюда, он работает в барах и

чайных." "Я знаю и английский, и китайский. И если вам нужна помощь.... В-вы всегда можете обратиться к жеге. Хочу дружить со всеми вами. Т-только и всего, спасибо." Он вежливо поклонился всем, а воспитательница погладила его по голове. "Почему бы тебе не сесть рядом с Минь Чэнгом? Ему трудно дается английский, и его семья была бы рада, если бы кто-нибудь помог ему". Минь Чэн был медленным учеником, у него легко отвлекалось внимание. Сейчас он вообще не обращал внимания на нового ученика, заметив его белые чётки. Он смотрел в окно на цветы в саду рядом с ними. Нарциссы цвели в полную силу, белые лепестки окружали желтую сердцевину. Как крошечные солнца. А солнце - звезда, как название их дошкольного учреждения. Только когда воспитательница подвела мальчика к нему и произнесла его имя, он обратил внимание. "О, прости." Он улыбнулся, у него отсутствовал один из двух передних зубов. "Что ты сказала, учительница?" "Поздоровайся с новым соседом по парте." Сказала она. Минь Чэн кивнул. "Привет! Я Минь Чэн, но моя семья почти всегда называет меня А-Чэн. Рад познакомиться!" Он был единственным, кто ничуть не заметил цвет его кожи. Возможно, потому что его юный ум был занят наблюдением за *Narcissus pseudonarcissus* за окном. "А-Чэн." Мальчик повторил. "Ему 6, а тебе всего 5, так что ты должен называть его жеге." Воспитательница сказала ему и вернулась к доске, чтобы показать ещё несколько китайских иероглифов. Минь Чэн кивнул. "У меня никогда не было старшего брата. А у тебя есть родные братья или сестра, жеге?" "Нет, я единственный ребёнок в семье." Ответил он. "Тогда мы можем быть братьями! Пожалуйста, заботься об А-Чэне с этого момента!" Глаза мальчика засияли, и он пообещал: "Я буду!" И он в правду заботился о нём много лет. Минь Чэн просто принял это как само собой разумеющееся. "Жеге ... Я хочу видеть тебя снова ... Жеге ... Пожалуйста ... " Он плакал и плакал, желая, чтобы он никогда не вырос, никогда не отдалился от своего жеге. Чтобы они всегда были счастливыми детьми вечно, бесконечно. Но жизнь никогда не была такой. У всего есть конец, особенно у счастья. И он сам приложил руку к тому, чтобы это счастье закончилось. Пока он продолжал кричать, его голос слился с голосом другого человека. Пещера задрожала. Он не обращал на это внимания, так как был полностью поглощён своей горечью, и в итоге ... Когда он вернулся в реальный мир, он лежал на земле, плача и плача. Ронни не ожидал, что после освобождения он впадёт в такую гибкую отчаяние. Он нахмурился, у него над глазом текла кровь от глубокой царапины, нанесенной острыми когтями Ловушки. 'Почему он плачет? Неужели он так боялся быть запертым в этом янтарном ожерелье?' Сермин не останавливался. Ронни опустился на колени рядом с ним и потряс его за плечи, чтобы он очнулся. Золотой мальчик, из глаз которого текли алмазные слезы, поднял голову. "Жеге?" Ронни нахмурился. Значит, все это связано с этим "жеге". "Ваше Высочество. Все будет хорошо. Это всего лишь сон, все, что вы видели." Ронни погладил его голову, делая вид, что проявляет нежность. "Вы вернулись в реальность." Он моргнул, и вскоре понял, что это в правду Ронни, и он находится в другом мире. И, возможно, он был прав. Его прошлая жизнь могла быть всего лишь сном. Ничего не случилось, ничего не существовало. И боли от этого тоже не было. Это единственное, что он мог сделать, чтобы идти вперед. Рассматривать это как сон. ".....Что произошло?" Спросил он слабым голосом. Он видел всю эту кровь, разрушения, огонь, но, как и в своём классе, едва ли обращал на это внимание, потому что мысли его были заняты чем-то другим. Он пытался подняться, но снова упал. "Я не могу ... " "Я так и думал." Ронни вздохнул. "Ладно. Я позабочусь о тебе, Ваше Высочество." Он подошёл, чтобы поднять Сермина, и просто наступил на ещё живую, но почти безжизненную грудь Ловушки, уходя от хаоса. Неся его на руках, как младенца, Ронни вновь вспомнил слова о его жеге. Он был слабаком, за которым всегда кто-то заботился. Но в этот момент ему было все равно. Он хотел, чтобы о нём заботился его лучший друг. Он легко уснул, когда Ронни уносил его куда-то далеко от этого места.